

Уильям Фолкнер

Солдатская награда

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф75

William Cuthbert Faulkner
SOLDIERS' PAY

Перевод с английского Риты Райт-Ковалевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © Р. Я. Райт-Ковалева (наследники),
перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25479-4

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Ахиллес. Вы брились утром, курсант?

Меркурий. Да, сэр.

Ахиллес. Откуда бритва, курсант?

Меркурий. Из вещевого довольствия, сэр.

Ахиллес. Идите, курсант.

Старшая пьеса (ок. 19...? г.)

Лоу, Джулиан, номер ... бывший курсант летного училища, энской эскадрильи Воздушных сил, прозванный Однокрылым другими будущими асами своего звена, смотрел на мир желчным и разочарованным взглядом. Он страдал таким же разлитием желчи, как и многие вышестоящие военные чины, начиная от командира звена до генералов и небожителей с одной нашивкой (не говоря уж о неприметной серой скотинке с летного поля, которую французы так красиво называют «надеждой авиации»): войну закончили без него.

Он сидел, снедаемый тоской и возмущением, даже не радуясь привилегированному месту в международном вагоне, и вертел на пальце свою фуражку с проклятой белой ленточкой.

— Понюхал воздуху, братишка? — осведомился Пехтура, тоже возвращавшийся домой: от него на весь вагон несло скверным виски.

— Иди ты к черту, — буркнул тот, и Пехтура сдернул свою мятую фуражку.

— Ох, виноват, генерал! Или вас надо величать лейтенантом? Нет, извиняюсь, мадам, мне глаза выжгло на камбузе, зрение не то. Ну, давай на Берлин! А как же, вот именно на Берлин! Я тебе задам, Берлин, я тебе покажу номер! Номер никакая тыща, никакая сотня, ни фи́га, ни нуля — рядовой (вполне рядовой) Джо Гиллиген: на парад опоздал, на дежурство опоздал, на завтрак опоздал, конечно, если завтрак опоздал. Статуя Свободы никогда меня не видала, а если увидит — сейчас же: налево кругом — марш!

Курсант Лоу прищурил глаз с видом знатока:

— Слушай, братец, а что ты пьешь?

— Друг, не знаю! Этого самого, кто ее гонит, еще в прошлый четверг наградили медалью: он придумал, как кончить войну. Надо только призвать всех голландцев в нашу армию и поить их этим зельем сорок дней и сорок ночей, понял? Любой войне конец!

— Еще бы. Никто не разберет, война это или танцулька.

— Нет, это-то они разберут. Женщины-то начнут танцевать, понял? Слушай, была у меня чудная девочка, говорит: «Фу, черт, да ты не умеешь танцевать». А я говорю: «Я-то? Еще как умею!» Стали танцевать, а она спрашивает: «Ты в каком звании?» А я говорю: «Тебе зачем? Танцую я не хуже генерала, не хуже майора, даже, может, не хуже сержанта, потому как я только что выиграл четыреста монет в покер». А она говорит: «Ну?» И я говорю: «Я тебе говорю — держись меня, дет-

ка». А она говорит: «А где деньги?» Да разве я стану ей показывать? А тут подходит один такой, говорит: «Разрешите вас пригласить на этот танец?» И она говорит: «Пожалуйста, все равно этот тип не умеет танцевать!» А он, сержант, — громадина, я в жизни таких не видал. Знаешь, похож на того малого из Арканзаса, что сцепился с негром. А приятель его спрашивает: «Говорят, ты вчера негра убил?» — «Да, — говорит, — на двести пудов весом». Как про медведя.

Поезд дернуло, Пехтура покорно качнулся, и курсант Лоу сказал:

— Здорово тебя заносит.

— Ничего! — успокоил его тот. — Зато вреда от нее никакого. Я ее давно пью. Конечно дело, пес мой пить это не станет, но ведь он, подлюга, взял привычку ошиваться у штаба бригады. Единственный мой трофей. Вот ему-то уж никогда не влепят за то, что он вовремя не приветствует этих макак бесхвостых. Послушайте, генерал, окажите любезность пригубить стаканчик, чтоб эта чертова дорога не нагоняла сонную одурь. Я угощаю! Ничего, после двух глотков сразу привыкаешь. Меня от нее тоска по дому берет: здорово пахнет гаражом. Ты в гараже когда-нибудь работал?

На полу меж двух скамеек сидел попутчик Пехтуры и пытался раскурить размокшую, распухшую сигару. «Похоже на разрушенную Францию», — подумал курсант Лоу, вспомнив тягучие рассказы капитана Блейта, английского летчика, временно приданного их части, чтобы укрепить силы демократии.

— Бедный солдат! — плачущим голосом сказал его сосед. — Один в ничейной зоне, и ни одной спички. Сущий ад эта война, верно? Я тебя спрашиваю! — Он попробовал ногой опрокинуть своего спутника, потом стал медленно толкать его: — Подвинься, старая салака! Подвинься, болван стое-росовый. Увы, мой бедный Йорка¹, или как его там (это я в театре слышал, понятно? Красивые слова!), давай, давай! Видишь, к нам приехал генерал Першинг², хочет выпить с бедными солдатами. — Он обернулся к курсанту Лоу: — Погляди на него, до чего напился, до чего погряз во грехе.

— Битва при Коньяке, — бормотал сидевший на полу. — Десять убитых. А может, пятнадцать. А может, сто. Бедные детки, плачут дома: где ты, Алиса?

— Вот именно — Алиса. Куда ты, к черту, запро-пастилась? Где вторая бутылка? Ты что с ней сделал? Бережешь до дому, там в ней плавать будешь?

Человек на полу уже плакал:

— Обидел ты меня. Винишь, что я спрятал за-кладную на дом? Ну бери, все забирай — душу, тело. Насильничай, ты сильнее!

— погоди, я тебя насильничаю — отберу бу-тылку, винный уксус, винный уксус, — бормотал тот, шаря под сиденьем. Он выпрямился, с торже-ством поднял бутылку. — «Чу! битвы гром и хохот

¹ Искраженная реплика из пьесы «Гамлет» У. Шекспира: «Бедный Йорик».

² Джон Першинг (1860–1948) — американский генерал, в 1917 г. командовал Американским экспедиционным корпу-сом в Европе.

лошадиный! Но им не снять мятежную главу!» Нет, нет! Вот бы мне посмотреть — как это лошади хохочут. Наверно, там одни кобылы. Ваше пресветлое высочество, — и он церемонно поднял бутылку, — соблаговолите благосклонно снизойти и почтить добрых, но недостойных странников в чужом краю!

Курсант принял бутылку, глотнул, поперхнулся и сразу выплюнул все. Солдат обхватил его, хлопал по спине.

— Будет, будет, не такая уж это гадость. — И, ласково обняв Лоу за плечи, он силой воткнул ему в губы горлышко бутылки. Лоу отталкивал бутылку, отбивался. — Да ты попробуй. Я тебя держу. Ну, пей!

— О ч-черт! — сказал Лоу, отворачивая голову.

Заинтересовались и другие пассажиры. Пехтура успокаивал его:

— Ну, ну, давай. Тебя никто не обидит. Тут одни друзья. Нам, солдатам, надо крепко держаться друг за дружку, мы же тут в чужой стране. Давай, пей сразу. Куда ж это годится, выплевывать добро себе под ноги?

— О ч-черт, не могу я, понимаешь?

— Можешь, ей-богу! Слушай меня: ты думай про цветочки. Думай про свою бедную седую маму, как она рыдает у калитки, надрывает свое бедное седое сердце. Слушай, ты думай о том, что приедешь домой и сразу придется искать работу. Война — это ад, верно? Но если б еще годик повоевать — я стал бы капралом!

— К черту, не могу!

— Нет, ты обязан! — ласково сказал новый приятель и вдруг сунул бутылку ему в рот и наклонил ее.

Положение безвыходное — либо выпить, либо облить всего себя; пришлось выпить, удержать глоток. Желудок подскочил, застрял в глотке, потом стал медленно опускаться вниз.

— Ну вот, разве так уж страшно? Пойми, мне еще жалче, чем тебе, когда добро пропадает. А газолинчиком оно пахнет, верно?

Желудок у курсанта Лоу болтался как неприкаянный, словно воздушный шар на привязи. Курсант ловил воздух ртом, его внутренности скручивали холодный восторг. Приятель снова сунул бутылку ему в рот.

— Пей сразу! Вклад надо беречь, понял?

Жидкость заливала его брюки, от второго глотка по животу прошла судорога, дивный огонь пронзил тело. Подошел кондуктор пульмановского вагона и с беспомощным отвращением посмотрел на них.

— Смирно! — заорал Пехтура, вскакивая на ноги. — Берегись, офицер идет! Встать, рядовые, приветствуйте адмирала! — Он схватил кондуктора за руку, крепко стиснул. — Мальчики, этот человек командовал флотом. При попытке врага взять Кони-Айленд¹ он был на посту. Нет, ошибка — в Чикагском архипелаге. Верно, полковник?

— Ну прекратите, не надо!

¹ *Кони-Айленд* — полуостров (ранее остров) на Атлантическом побережье США, в боро Бруклин Нью-Йорка.

Но Пехтура уже чмокнул его в руку.

— А теперь ступайте отсюда, сержант! Вы свободны до обеда!

— Послушайте, перестаньте хулиганить! Вы мне весь вагон загадите!

— Бог с вами, капитан, да у вас вагон в такой целости и сохранности, что можно бы вашей дочке пожелать! — Солдат, сидевший на полу, попытался встать, и Пехтура выругал его: — Сиди спокойно, слышишь? Слушайте, кажется, он думает, что сейчас ночь. Может, ваш камердинер уложит его спать? Он только мешает.

Кондуктор, решив, что Лоу — самый трезвый, обратился к нему;

— Слушай, солдат, может быть, хоть ты что-нибудь с ними сделаешь?

— С удовольствием! — сказал курсант Лоу. — Будьте спокойны. Я за ними присмотрю. Они смирные.

— Очень прошу, уговорите их. Не могу же я привезти в Чикаго целый полк пьяных солдат. Ей-богу, Шерман был прав!¹

Пехтура спокойно уставился на него. Потом повернулся к своим спутникам.

— Солдаты, — сказал он сурово. — Мы тут лишние. Вот благодарность за то, что мы проливали кровь за родину. Да, брат, для него мы тут лишние. Ему для нас поезда жалко. А если бы мы не пошли

¹ Уильям Шерман (1820–1891) — американский генерал, во время Гражданской войны командовал армиями Севера. Выступая в 1879 г. перед курсантами военного училища, сказал: «Война — это сплошной ад».

на зов родины, какой поезд вы бы тогда водили? Битком набитый немцами, вот какой. Битком набитый пассажирами, которые жрали бы колбасу и пили пиво до самого Милуоки, вот в каком поезде вы бы ехали!

— Не хуже, чем ехать с вами. Вы и сами не знаете, куда едете, — сказал кондуктор.

— Ах вот как? — сказал Пехтура. — Хорошо, мы уйдем с вашего поезда, будь он проклят. Думаете, другого поезда на свете нет?

— Не надо, не надо! — торопливо сказал кондуктор. — Ничего, ничего! Я вас вовсе не гоню. Только надо вести себя приличнее, не беспокоить других пассажиров.

Солдат, сидевший на полу, покачнулся. Со всех сторон смотрели любопытные глаза.

— Нет! — сказал Пехтура. — Вы отказали в гостеприимстве на вверенном вам поезде спасителям вашей страны. Даже в Германии с нами обращались бы лучше. — Он обернулся к Лоу. — Солдаты, мы сходим на следующей станции. Правильно, генерал?

— Господи боже! — воскликнул кондуктор. — Если когда-нибудь еще раз объявят мир, я не знаю, что будет с железными дорогами. Я думал, война — бедствие, но это — фу, господи ты боже!

— Вали, вали! — сказал Пехтура. — Вали отсюда! Поезд ты из-за нас останавливать не станешь, придется на ходу прыгать. Говорите — благодарность? А где она, ваша благодарность? Даже поезд остановить не могут, выпустить несчастных солдатиков. Знаю я, что вы затеяли. Набыют полные

поезда несчастными солдатами и прямо всех их — в Тихий океан. По крайней мере, кормить не надо. Бедные, несчастные солдаты! Нет, Вудро¹, ты бы не стал так со мной обращаться!

— Эй, что ты делаешь?

Но тот и не взглянул на кондуктора — он уже поднял раму окна и тянул дешевый фибровый чемодан через колени своего спутника. И прежде чем Лоу или кондуктор успели поднять руку, он выкинул чемодан в окошко.

— Рота, выходи!

Его пьяный спутник приподнялся с полу.

— Эй! Зачем мои вещи выкинул?

— А разве ты с нами не выходишь? Все вещи выкинем, а как ход замедлит, мы и сами выскочим.

— Мои раньше всех выкинул, — сказал пьяный.

— Правильно. Я же тебе помогаю, понял? Да ты не обижайся: хочешь — выкинь мои, а потом этот Першинг и наш адмирал пусть друг другу помогут ихние вещи выкрадывать. Есть у тебя чемодан? — спросил он у кондуктора. — Неси сюда быстро, чтоб нам не ходить за ним к черту на рога.

— Послушайте, ребята, — сказал кондуктор, и курсант Лоу, думая про Эльбу, про свои внутренности, скрученные от виски и медленно тлеющие в алкогольном огне, увидел золотые служебные нашивки на шапке кондуктора. Штат Нью-Йорк плоско поплыл мимо; дальше неизбежно подступал Буффало. — Слушайте, ребята, — повторил

¹ *Вудро* — подразумевается 28-й президент США Вудро Вильсон (1856–1924).

кондуктор. — У меня у самого сын во Франции. Шестой отряд морской пехоты. С октября матери не пишет. Я все для вас сделаю, ребята, только бога ради ведите себя прилично.

— Нет, — сказал Пехтура. — Вы нам отказали в гостеприимстве, и мы уходим. Когда остановка? Прыгать нам, что ли?

— Нет-нет, ребята, сидите тут. Сидите смиренно, ведите себя как следует, и все будет в порядке. Не надо выходить.

Он ушел, покачиваясь от движения поезда, а пьяный вынул изо рта свою истерзанную сигару.

— Ты мои вещи выкинул, — повторил он.

Пехтура взял курсанта Лоу под руку:

— Слушай, ну как тут не расстраиваться? Пытаешься помочь человеку начать новую жизнь, а что получаешь? Одни жалобы, жалобы без конца! — Он повернулся к своему приятелю. — Да, я выкинул твой чемодан. А чего ты хотел? Дождаться, пока приедем в Буффало, и заплатить носильщику четвертак, чтоб он его понес?

— Но ты же выбросил мой чемодан, — повторил тот.

— Верно. Выбросил. Что же ты собираешься делать?

Цепляясь за стенку, тот с трудом поднялся на ноги, вцепился в оконную раму и тяжело повалился на ноги курсанту.

— О черт! — сказал курсант и силой посадил его на место. — Осторожнее, слышишь?

— Хочу выйти, — слезливо пробормотал тот.

— Куда?

— В окошко, — объяснил он, пытаясь встать. Стукаясь об оконную раму, качаясь и падая, он вдруг высунул голову в окно.

Курсант Лоу схватил его за короткую полу гимнастерки.

— Назад, дурья голова, назад, слышишь! Нельзя так.

— А почему нельзя? — возразил Пехтура. — Пусть прыгает, если хочет. Все равно он до Буффало не доедет.

— Да он же убьется к чертовой матери.

— О господи! — простонал кондуктор.

Тяжело топя, он уже бежал к ним по проходу. Перегнувшись через Лоу, он схватил солдата за ногу. Тот, высунув голову и туловище в окно, качался, обмякший, как мешок отсыревшей муки. Пехтура оттолкнул Лоу и пытался оторвать руки кондуктора, вцепившиеся в ногу солдата.

— Пустите его. Не прыгнет он ни за что.

— Господи боже мой, да как же я могу рисковать? Стой, стой, солдат! Держи его! Тяни его назад!

— А, черт, да бросьте его! — сдался наконец Лоу.

— Верно, — добавил Пехтура. — Пусть прыгает. Посмотрим, как это у него выйдет, раз ему так хочется. И потом, он совсем не компания для таких приличных молодых людей, как мы. Скатертью дорожка. Давай-ка поможем ему! — добавил он и подтолкнул обмякшее тело приятеля.

Но будущий самоубийца немного отрезвел, на ветру с него сорвало шапку и стряхнуло одурь,

и теперь он изо всех сил сопротивлялся, стараясь втянуть голову обратно. Он явно передумал. Но его спутник добросовестно удерживал его:

— Давай, давай! Не теряйся! Смелее! Давай прыгай!

— Помогите! — заорал тот навстречу ветру.

— Помогите! — закричал кондуктор, вцепившись в его ногу.

Два испуганных пассажира с негром-проводником подбежали на помощь. Они побороли Пехтуру и втащили в вагон насмерть перепуганного солдата. Кондуктор наглухо закрыл окошко.

— Джентльмены, — он обращался к двум пассажирам, — пожалуйста, посидите тут, не давайте им выкинуть его в окно. Я их всех ссажу, только бы доехать до Буффало. Я бы остановил поезд сейчас же, но если оставить их одних — они его прикончат. Генри, вызови главного кондуктора, — приказал он проводнику, — и попроси его телеграфировать в Буффало, что мы везем двух сумасшедших.

— Да-да, Генри, — подхватил Пехтура. — Вели им приготовить оркестр и три бутылки виски. Если нет своего оркестра — пусть наймут, я заплачу! — Он вытащил из кармана распухший комок долларов и один отдал проводнику. — А тебе тоже оркестр? — спросил он Лоу. — Нет-нет, тебе он ни к чему. Поделемся. Беги! — сказал он проводнику.

— Слушаюсь, сэр капитан! — Белые зубы блеснули, как внезапно открытый рояль.

— Присмотрите за ними, господа! — попросил кондуктор своих добровольных стражей. —

Эй, Генри! — крикнул он вдогонку белой куртке проводника.

Приятель Пехтуры, бледный, весь в поту, боролся с подступившей тошнотой. Пехтура и Лоу сидели спокойно: один — приветливый, другой — воинственный. Новые пассажиры сели плечом к плечу, словно ища друг у друга поддержки, и вид у них был растерянный, но решительный. Другие пассажиры снова равнодушно втянули головы в плечи, наклонились над газетами и книгами; поезд мчался мимо заката.

— Ну-с, джентльмены, — начал Пехтура.

Оба штатских вскочили, как наэлектризованные, и один сказал:

— Ну-ну-ну! — и успокоительно обхватил солдата руками. — Не шуми, солдат, мы тебе поможем. Мы — американцы, мы ценим, что вы для нас сделали.

— Хэнк Уайт, — пробормотал пьяный.

— Что? — переспросил его приятель.

— Хэнк Уайт, — повторил тот.

Пехтура обрадованно повернулся к штатскому.

— Вот так штука, будь я неладен. Оказывается, это наш старый добрый Хэнк Уайт собственной персоной. Я же с ним рос вместе! Слушай, Хэнк! А мы слышали, что ты не то умер, не то чем-то торгуешь, кажется роялями. Тебя, случайно, не выгнали, нет? Что-то я не вижу при тебе рояля.

— Нет-нет, — испуганно залопотал штатский. — Вы ошиблись. Шлюсс моя фамилия, у меня свое дело — дамское белье. — Он вытащил карточку.

— Да что вы говорите! Вот это славно! Послушайте, — Пехтура доверительно наклонился к штат-

скому, — а у вас образчиков с собой нет, образчиков дамочек? Нет? Жаль, жаль! Ну ничего. Я вам достану в Буффало. Нет, не куплю, а просто достану, так сказать, во временное пользование. Горацио! Где бутылка? — спросил он Лоу.

— Вот, майор! — И Лоу вытащил бутылку из-под куртки.

Пехтура открыл ее, протянул штатским.

— Думайте о чем-нибудь далеко-далеком и пейте сразу! — посоветовал он.

— Спасибо, — сказал тот, кого звали Шлюсс, церемонно передавая бутылку своему соседу.

Оба осторожно наклонились и выпили. Пехтура и курсант Лоу выпили, не наклоняясь.

— Легче, легче, солдатики! — предупредил Шлюсс.

— Не бойтесь! — сказал Лоу.

Все снова выпили.

— А почему он не пьет? — спросил второй штатский, молчавший до сих пор, и показал на спутника Пехтуры.

Тот сидел в углу, странно согнувшись. Пехтура тряхнул его, и он вяло сполз на пол.

— Вот как влияет этот дьявольский ром, друзья! — торжественно произнес Пехтура и отхлебнул из бутылки.

Выпил и курсант Лоу. Он протянул бутылку штатским.

— Нет-нет! — настойчиво повторил Шлюсс. — Сейчас больше нельзя!

— Он не то говорит, — сказал Пехтура. — Не обдуманно. — И он и Лоу пристально уставились на штатских. — Дай время, пусть придет в себя.

Шлюсс подумал и взял бутылку.

— Все в порядке, — доверительно сообщил Пехтура курсанту. — А я было решил, что он хочет оскорбить честь нашего мундира. Но это не так, а?

— Нет-нет, что вы! Никто так не уважает военных, как я. Верьте, я бы и сам пошел сражаться вместе с вами! Но кому-то надо было вести дела, пока ребята были на фронте. Разве неправда? — обратился он к курсанту Лоу.

— Не знаю! — со сдержанной неприязнью ответил тот. — Я сам и поработать не успел!

— Что ты, что ты! — упрекнул его Пехтура. — Не всем же повезло, не все такие молодые.

— В чем это мне повезло? — зло спросил курсант Лоу.

— А если не повезло — молчи, нам и своих забот хватает.

— Конечно! — торопливо подхватил Шлюсс. — У всех свои заботы. — Он слегка прихлебнул из бутылки, но Пехтура сказал:

— Да пейте же как следует.

— Нет-нет, спасибо, с меня хватит.

Глаза у Пехтуры стали как у змеи.

— Ну-ка, выпей! Хочешь, чтоб мы вызвали кондуктора и пожаловались, что ты у нас отнимаешь виски?

Тот сразу отдал ему бутылку, а он обернулся к другому штатскому:

— Чего это он чудит, а?

— Не надо, не надо! — сказал Шлюсс. — Слушайте, ребята, вы пейте, а мы за вами присмотрим.

Молчаливый штатский добавил:

— Как родные братья.

И Пехтура сказал:

— Они думают, что мы хотим их отравить. Они, кажется, решили, что мы — немецкие шпионы.

— Да что вы, что вы! Я военных уважаю, как родную мать!

— Раз так — давай выпьем!

Шлюсс хлебнул из бутылки, передал ее второму. Тот тоже выпил, оба страшно вспотели.

— А он ничего не будет пить? — спросил молчаливый штатский, и Пехтура сочувственно посмотрел на второго солдата.

— Увы, мой бедный Хэнк! — вздохнул он. — Мой бедный друг, боюсь, что он окончательно погиб. Конец нашей долгой дружбе, господа.

Курсант Лоу пробормотал:

— Да, конечно! — Он ясно видел перед собой двух Хэнков.

А Пехтура продолжал:

— Взгляните на это доброе мужественное лицо. Мы вместе росли, вместе собирали цветики на цветущих лугах, мы с ним прославили батальон погонщиков мулов, мы с ним разорили Францию. И вот — взгляните, чем он стал! Хэнк! Неужто ты не узнаешь, чей это голос рыдает, неужели не чувствуешь нежную дружескую руку на своем лбу? Прошу вас, генерал, — он обернулся к курсанту Лоу, — будьте добры, позаботьтесь о его прахе. Я отряжу этих добрых незнакомцев в первую же кожевенную мастерскую, пусть закажут шлею для мулов, всю из цветов шиповника, а инициалы из незабудок.

Фолкнер У.

Ф 75 Солдатская награда : роман / Уильям Фолкнер ; пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-25479-4

Уильям Фолкнер (1897–1962) — знаменитый американский писатель, прозаик, поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1949). «Солдатская награда» — первый его опубликованный роман (1926).

Раненый летчик Дональд Мэгон возвращается с европейского театра военных действий домой, в американскую глубинку. Его лицо изуродовано, он постепенно теряет зрение и почти ничего не говорит. Всем окружающим ясно, что без сопровождения молодому герою трудно будет добраться до родного городка в Джорджии. И компания для него находится: бывший солдат Джо Гиллиген и молодая вдова миссис Пауэрс берутся помочь.

И вот лейтенант дома. Отец Мэгона, священник, считавший сына погибшим, без ума от радости, но с течением времени она угасает, сменяется растерянностью от того, каким его мальчик вернулся. Невеста падает в обморок от ужаса при первой встрече с ним. Что дальше? Никто не может понять, о чем Дональд Мэгон думает в сгущающейся вокруг него тьме, что чувствует, на что надеется и чем ему можно помочь — если можно. Жив ли он еще на самом деле?..

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сос)-44

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР
СОЛДАТСКАЯ НАГРАДА

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.04.2024.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

A-AUM-34469-01-R